

# Аналитические формы глагола как структурная особенность грамматики чувашского языка

DOI 10.31483/r-97986

УДК 811.161.1



Лебедев Э.Е.

БНУ «Чувашский государственный институт гуманитарных наук» Министерства образования и молодежной политики Чувашской Республики  
Чебоксары, Российская Федерация.

<https://orcid.org/0000-0001-7101-5283>, e-mail: edlebed@gmail.com

**Резюме:** Исследование посвящено рассмотрению аналитических форм глагола в чувашском языке и вопросу их включения в систему грамматических категорий наряду с синтетическими формами. Работа выполнена на *материале* образцов чувашской художественной литературы с использованием функционально-семантического *метода*. В статье представлена краткая история изучения этого вопроса как в целом в тюркологии, так и в чувашском языкознании. Автор подчеркивает, что существующий неопределенный статус подобных сочетаний в грамматиках чувашского и других тюркских языков не способствует адекватному описанию соответствующих форм и категорий. В связи с тем, что один из компонентов аналитических форм полностью или частично теряет свое номинативное значение, приобретая при этом служебное грамматическое значение, они так и не стали предметом подробного изучения в разделе синтаксиса. Но и в морфологии их также не изучают в должной мере из-за того, что формально в таких сочетаниях присутствует более чем одно слово. Автор считает, что при применении функционально-семантического подхода к изучению подобных сочетаний становится ясно, что функционально эти формы не отличаются от синтетических форм и должны быть предметом описания именно на морфологическом уровне. *Выводы* исследования подтверждаются примерами по конкретным аналитическим формам и заключаются в том, что эти формы представляют собой неотъемлемую часть и структурную особенность грамматики чувашского языка. В качестве перспективы дальнейших исследований можно назвать подробное изучение функционально-семантической составляющей аналитических форм глагола и разработку их классификации.

**Ключевые слова:** аналитические формы, способ действия, грамматические категории глагола, вспомогательные глаголы, деепричастия.

**Для цитирования:** Лебедев Э.Е. Аналитические формы глагола как структурная особенность грамматики чувашского языка // Этническая культура. – 2021. – Т. 3, №1. – С. 16-21. DOI:10.31483/r-97986.

## Analytical Forms of the Verb as a Structural Feature of the Grammar of the Chuvash Language

Eduard E. Lebedev

BSI "Chuvash State Institute of Humanities" of Ministry of Education & Youth of Chuvash Republic,  
Cheboksary, Russian Federation.

<https://orcid.org/0000-0001-7101-5283>, e-mail: edlebed@gmail.com

**Abstract:** The study is devoted to the consideration of the analytical forms of the verb in the Chuvash language and the issue of their inclusion in the system of grammatical categories along with synthetic forms. The work was carried out on *the material* of samples of Chuvash fiction using the functional-semantic *method*. The article presents a brief history of the study of this issue both in general in Turkic studies and in Chuvash linguistics. The author emphasizes that the existing undefined status of such combinations in the grammars of the Chuvash and other Turkic languages does not contribute to an adequate description of the corresponding forms and categories. Due to the fact that one of the components of analytical forms completely or partially loses its nominative meaning, while acquiring an official grammatical meaning, they have not become the subject of detailed study in the syntax section. But in morphology, they are also not studied to the proper extent due to the fact that more than one word is formally present in such combinations. The author believes that when applying the functional-semantic approach to the study of such combinations, it becomes clear that functionally these forms do not differ from synthetic forms and should be the subject of description at the morphological level. *The conclusions* of the research are supported by examples of specific analytical forms and are as follows: these forms are an integral part and structural feature of the Chuvash language grammar. As a prospect for further research, we can name a detailed study of the functional and semantic component of the analytical forms of the verb and the development of their classification.

**Keywords:** analytical forms, mode of action, grammatical categories of the verb, auxiliary verbs, gerunds.

**For citation:** Lebedev E.E. (2021). Analytical Forms of the Verb as a Structural Feature of the Grammar of the Chuvash Language. *Ethnicheskaya Cultura = Ethnic Culture*, 3(1). 16-21. (In Russ.) DOI:10.31483/r-97986.

### Введение

Изучение аналитических форм глагола в чувашском языке необходимо для того, чтобы создать адекватное описание его грамматической системы с учетом всех способов образования словоизменительных форм. Носителю языка в принципе неважно, каким способом в своей речи передать то или иное грамматическое значение – синтетическим или аналитическим. Поэтому подобные формы должны входить в систему именно морфологического уровня языка на тех же основаниях,

на которых туда входят синтетические формы. Целью нашего исследования стало выявление аналитических форм глаголов чувашского языка с тем, чтобы обозначить их реальное место в системе других грамматических форм и категорий.

Данной проблематике в чувашском языкознании посвящено считанное количество монографических исследований – работа А.М. Ивановой «Проблемы морфосинтаксиса в чувашском языкознании» [4, с. 52–69] и исследование Э.Е. Лебедева «Акционсартовые зна-

чения сложновербальных аналитических форм в чувашском языке» [5]. В обоих трудах указанные формы глаголов рассмотрены под определенным углом зрения, и авторы приходят к выводу о необходимости более подробного их исследования в рамках новых парадигм в лингвистике.

### Материал и методы исследования

Статья написана в традиционном лингвистическом ключе. В качестве материала исследования послужили образцы художественных произведений чувашских авторов. Основным методом, на основе которого базируются выводы работы, стал функционально-семантический подход, в соответствии с которым изучение форм чувашского языка выполнено на базе их значений. Именно на такой подход в настоящее время признается актуальным в грамматике.

### Результаты исследования

Чувашский язык с точки зрения его генеалогии относится к тюркской группе алтайской семьи языков. Языки, представляющие эту группу, имеют целый ряд грамматических особенностей, из которых наиболее важной, на наш взгляд, является агглютинация – особый способ словоизменения, представляющий собой последовательное присоединение к основе слова (которая в подавляющем большинстве случаев всегда остается неизменной) специальных формальных показателей – аффиксов, каждый из которых может передавать только одно категориальное значение – число, принадлежность, падеж, время, наклонение и др. Добавим, что указанная последовательность аффиксов подчиняется строгому порядку, и нельзя, например, в этой цепочке поменять местами аффиксы числа и падежа – это категорически запрещено по законам тюркской морфологии. Начиная с классического труда О. Бетлингга «Die Sprache der Jakuten» («О языке якутов») [8], в тюркологии установилось негласное правило, по которому в круг формальных показателей морфологических категорий включались по преимуществу только синтетические формы (аффиксы), так как считалось, что синтетизм – это главная особенность грамматики агглютинативных (тюркских) языков. Такого рода установка долгое время сохранялась при написании грамматических работ по разным языкам этой группы. Однако исследователи не могли полностью отказаться от необходимости как-то определить те сочетания, которые состоят из полнозначного и вспомогательного слова и присутствуют в определенном количестве практически во всех современных тюркских языках. Называя их то «сложными словами», то «перифрастическими образованиями», ученые пытались изучать их как в разделе словообразования, так и в разделе синтаксиса. Но, надо отметить, что большинство из подобных сочетаний в результате так и не смогло закрепиться в указанных разделах грамматик, так как исследователи интуитивно понимали, что они представляют собой отличное образование, которое нельзя считать ни сложным словом, ни синтаксической конструкцией. Таким образом изучение аналитических форм (именно так правильно называть эти сочетания по аналогии с «синтетическими формами») долгое время находилось на периферии грамматических исследований по тюркским языкам.

В 1965 г. выходит монография А.А. Юлдашева «Аналитические формы глагола в тюркских языках» [7], в которой впервые в отечественной тюркологии обосновывается

необходимость определять подобные сочетания как «аналитические формы», которые должны на равных правах с синтетическими входить в парадигмы грамматических категорий. Эта работа стала определенным прорывом в вопросе изучения подобных форм. И хотя до сих пор у российских тюркологов преобладает к ним скептическое отношение, идея о том, что грамматические значения в тюркских языках могут выражаться разными способами, все больше и больше пробивает себе дорогу в тюркологических исследованиях.

Все сказанное выше в отношении проблемы наличия в тюркских языках аналитических форм глагола, справедливо и в случае с грамматикой чувашского языка. Но, несмотря на то, что еще Н.И. Ашмарин во второй части своего «Опыта исследования чувашского синтаксиса» [2, с. 171–236] выделяет несколько аналитических форм времени глагола (часть из которых, правда, в современном языке уже неупотребительна), в работах, изданных после него, подобные формы не рассматриваются даже в разделе, посвященном категории времени, не говоря уже про другие глагольные категории – наклонения, аспектуальности и др. [6]. Чувашские ученые в этом вопросе строго следуют принципу: «все, что выходит за рамки одного слова – это синтаксис». Однако по причине того, что аналитические формы обладают некоторыми особенностями, в первую очередь полной или частичной лексической десемантизацией вспомогательного глагола, изучение этих сочетаний в разделе синтаксиса тоже не стало нормой. В результате формы со вспомогательными глаголами оказались, если так можно выразиться, «бездомными». В морфологию их не включают, потому что здесь имеется сочетание слов, а в синтаксис – из-за отсутствия у одного из элементов сочетания полного номинативного значения. Одна часть подобных образований, передающих различные аспектуальные значения, нашла свое «пристанище» в разделе словообразования под названием «сложные глаголы» (хотя и это весьма спорно), другая же до сих пор не обозначена в грамматике языка в качестве отдельных единиц, и в лучшем случае об аналитических формах с модальными или временными значениями упоминается лишь вскользь, в разделах, посвященных соответствующим синтетическим формам основного глагола [1, с. 226].

Под аналитическими формами глагола в тюркских языках понимаются сочетания основного и вспомогательного глаголов, при этом основной глагол стоит либо в форме деепричастия, либо в форме причастия. Существует традиция, в соответствии с которой первые сочетания собственно и носят название «аналитическая форма», а вторые – название «перифрастические формы» [3, с. 146]. По нашему мнению, термин «перифрастические формы» в данном случае излишен, так как оба вида сочетаний представляют собой аналитический способ, и поэтому можно ограничиться одним общим их названием. В чувашском языке в качестве формы основного глагола выступают деепричастия с показателями *-a/-e* и *-ca/-ce*, а также причастия прошедшего, настоящего и будущего времени, оформляемые аффиксами *-нӑ/-нӗ*, *-акан/-екен*, *-ас/-ес* и др. Роль второго компонента аналитической формы играют различные вспомогательные глаголы, количество которых исчисляется несколькими десятками.

Возникает вопрос, какие факторы влияют на то, что глагол в какой-то момент начинает терять свое основное лексическое значение и приобретает новое, грамма-

тическое значение? На наш взгляд, таких факторов два. Во-первых, это необходимая степень абстрактности его лексического значения. Под абстрактностью понимаем то, что глагол изначально должен передавать значение более общего, а не конкретного действия. Например, значение такого глагола как *парнеле* – ‘дарить’ вряд ли имеет способность к дальнейшему абстрагированию и приобретению вспомогательной, то есть грамматической семантики, так как этот глагол обозначает вполне конкретное действие. Очевидно, что к ряду глаголов, способных со временем приобрести вспомогательную семантику, могут относиться глаголы с обозначением наиболее распространенных и обычных действий. В этот ряд входят, например, глагол *пул* ‘быть, становиться’, глаголы движения *кил* ‘приходить’, *кай* ‘уходить, идти’, *тух* ‘выходить’, *кёр* ‘входить’, глаголы состояния *пурай* ‘жить’, *вырт* ‘лежать’, *тёр* ‘стоять’, глаголы приобретения и отчуждения *ил* ‘брать’, *пар* ‘давать’, глаголы изменения положения предмета *калар* ‘вынимать’, *хур* ‘класть’ и др.

Другим фактором, способствующим появлению в языке вспомогательных глаголов, является наличие в их номинативном значении такой семантики, которая была бы близка приобретаемому грамматическому значению. Так, глагол *тух* ‘выходить’ с большой вероятностью в процессе грамматикализации приобретет либо значение завершенности действия, либо значение направленности вовне какого-либо пространства. И действительно, в чувашском языке существуют такие сочетания, как *вуласа тух* ‘прочитать’ (то есть дочитать полностью, до конца) и *чупса тух* ‘выбежать’ – выйти за пределы определенного пространства. Глагол же *суре* ‘ходить’ имеет в своем значении семантику временной продолжительности, поэтому в качестве вспомогательного этот глагол в чувашском языке передает значение длительности или даже постоянства – *килсе суре* ‘приходить постоянно’.

Как можно догадаться из представленных выше примеров, аналитические формы глагола, образованные по схеме «деепричастие + вспомогательный глагол» или «причастие + вспомогательный глагол», в чувашском языке произошли от свободных синтаксических словосочетаний. Процессы превращения полнозначных глаголов во вспомогательные исторически, по всей видимости, занимают достаточно большой период времени. Собственно, эти процессы, на наш взгляд, продолжаются и сегодня, и завершились еще далеко не у всех сочетаний. Именно поэтому в современном состоянии языка мы можем встретить два варианта одного и того же сочетания – один с уже совершившимся процессом грамматикализации: *вйранса кайнй* ‘проснулся’ (здесь указывается на окончательность совершения действия), и другой – когда оба компонента равноценны и составляют собой свободное синтаксическое сочетание – *вйранса кайнй* ‘проснувшись, ушел’. Отделить один вариант от другого мы можем только с помощью контекста, то есть ближайшего лексического окружения этого сочетания. Факт возможности двоякого толкования подобных конструкций, и их зависимость от контекста, дал повод исследователям полностью отрицать наличие аналитических форм с аспектуальными значениями в чувашском языке. Да, конечно, эти формы еще не отделились полностью от синтаксических словосочетаний, и могут присутствовать в языке одновременно с ними, отличаясь только по контексту. Но данный аргумент не может быть в этом вопросе решающим. Ведь

зависимость от контекста имеют и общепризнанные грамматические формы, имеющие несколько значений. Так, аффикс исходного падежа *-ран/-рен (-тан/-тен)* в чувашском языке передает то или иное свое значение в зависимости от определенного лексического окружения: *Килтен тухрй* ‘Он вышел из дома’, но *Вйл санран аслйрах* ‘Он старше тебя’. В первом случае форма исходного падежа передает значение направленности из помещения, во втором же – значение сравнения.

В настоящей статье мы рассмотрим значения некоторых вспомогательных глаголов в чувашском языке и варианты их сочетаний в составе аналитических форм.

1. Вспомогательный глагол *пул* ‘быть, становиться’. Основное значение этого глагола является наиболее общим и абстрактным, поэтому вполне объяснимо, что он может выступать в качестве вспомогательного. Этот глагол отмечен нами, как минимум, в семи аналитических формах, передающих значения времени, наклонения и аспектуальности.

а) форма *-нй/-нй пул*. Сразу отметим, что в этой форме вспомогательный глагол *пул* может находиться только в форме причастия прошедшего времени с показателем *-нй/-нй*: *кайнй пулнй* ‘ушел’, *сырнй пулнй* ‘написал’, *вйреннй пулнй* ‘учился’. Как указывает В.Г. Егоров: «глагол *пулнй* употребляется в тех случаях, когда рассказчик сам не был очевидцем тех событий, о которых он рассказывает, или они происходили без него, или он раньше совершенно не знал о них, не имел к ним отношения и рассказывает об этом с чужих слов» [1, с. 200]. Эту форму можно назвать давнопрошедшим временем или *плюсквамперфектом*, так как она передает значение действия, которое произошло давно, либо до какого-либо действия в прошлом. Примеры: *Вёсем пёрлешнй хыссьан, висё сул общежитисенче пурайнй хыссьан, туяйнй пулнй сакантти сурта* (Д. Гордеев) ‘После того как они, поженившись, три года жили по общежитиям, купили здешний дом’; *Каласа катарташь сапла: вйрсьара пёр хулара службара тйнй чух, пёррехинче халйх уявне курма кайнй уккен те, улта керешу пынй пулнй* (Н. Ильбеков) ‘Рассказывает следующее: когда во время войны он проходил службу в одном городе, как-то пошел посмотреть на народные гуляния, и там проходили соревнования по борьбе’;

Аналитическая форма давнопрошедшего времени входит в категорию времени глагола на правах отдельной формы и составляет с другими временами оппозиции по таким признакам как отношение к настоящему моменту, степень давности совершения действия, его очевидность и неочевидность.

б) форма *-ас/-ес пул*. Образована сочетанием аффикса причастия будущего времени с показателем *-ас/-ес* и вспомогательного глагола *пул*. При этом вспомогательный глагол представлен здесь в форме третьего лица настоящего времени – *пулать*. Имеет значение необходимости совершения действия. Эта аналитическая форма по всем признакам может быть выделена в отдельное должноставительное наклонение. Примеры: *Тав куркине кам сённине пёлес пулать!* (Н. Мранькка) ‘Нужно знать, кто предлагает заздравную чашу!’; *Бран пирён вёсене шырама пуслас пулать* (Д. Кибек) ‘Завтра нам надо начинать их искать’;

в) форма *-мйш/-мйш пул*. К корню основного глагола этой аналитической формы присоединяется аффикс причастия с показателем *-мйш/-мйш*. Передает значение притворного действия с отрицанием ‘сделал вид, что не...’. Примеры: «*М-та...*» – *илтмйш пулчй Илюш*

бригадир сáмахне (А. Емельянов) – ‘«Мда...» – сделал вид, что не расслышал слова бригадира, Илюша»; «Мёнле арáслан пирки калашатáр?» – áнланмáш пулса, ура сине тáччэ араб (И. Вутлан) ‘«О каком льве вы говорите?» – встал на ноги араб, сделал вид, что не понял’.

г) форма *-анси/-енци пул*. Эта форма также передает значение притворного действия, но в отличие от предыдущей, здесь отрицание отсутствует: «сделал вид, что...». Примеры: *Кайран, куланси пулса, Краснов еннелле сáврáнчэ* (И. Григорьев) ‘Затем, сделал вид, что улыбается, повернулся к Краснову’; *Энё хам сине такам питё тинкерсе пáхнине туютáп, сáпах ун еннелле сáврáнмастáп, юри Нáштукпа шáтленси пулса тáратáп* (А. Артемьев) ‘Я чувствую, что кто-то очень пристально смотрит на меня, но все равно не поворачиваю к нему, специально делаю вид, что заигрываю с Настей’.

д) форма *-акан/-екен пул*. Эта форма образуется при помощи причастия настоящего времени с показателем *-акан/-екен*. Ее значением является начало совершения действия, которое выражено основным глаголом. Отметим, что, если вспомогательный глагол в этой форме стоит в отрицательном статусе, то значение начала действия, как правило отсутствует. Примеры: *Пёлетён-и, сёрён-кунён ун синчен шухáшлакан пултáм* (К. Турхан) ‘Ты знаешь, я стала думать о нем и днем и ночью’; *Сирёккасси ялне юлашки сáлсенче питё сайра килекен пулчэ* (В. Аллендей) ‘В последние годы он стал редко приезжать в Сириккасы’.

е) форма *-ми пул*. Образована от отрицательного причастия с показателем *-ми*. В отличие от предыдущей аналитической формы, передает значение завершения выполнения действия – «перестать что-то делать». Примеры: *Кáсал амáишэ áна вáйáран сёрлене юлса тáврáннáишáн ятлами пулчэ, сáпах сáмрáк пикен хáй сáлёнчен кáиш аслáрах пулас килет...* (А. Артемьев) ‘В этом году мать перестала ругать ее за ночные возвращения с игр, но все равно молодой красавице хочется быть немного старше своих лет...’; *Юлашки вакун хысёнчи хёрлэ сáтáсем курáнми пулсан, сасартáк питё тёттём пулса кáйрэ* (М. Ухсай) ‘Как только перестали виднеться красные огоньки последнего вагона, внезапно полностью стемнело’.

ж) форма *-ма/-ме пул*. Аналитическая форма с модальным значением готовности к совершению действия. Здесь в качестве первого компонента сочетания выступает инфинитив с показателем *-ма/-ме*. Примеры: *Ун хысáн ёне сáвакансем чёрре кёрсех каласрёрс, хáйсен айáтне йышáнчэс, лайáхрах ёслеме пулчэс* (А. Артемьев) ‘После этого доярки поговорили на повышенных тонах, признали свою вину и пообещали работать лучше’; *Нимёссем сине тáрсах сáмрáксене полицире «ёслеме» йыхáрнá, полицáйсене тем тёрлэ ырлáх – сёр, выльáх-чёрлэх, укса пама пулса чёнáсем сáпса тултарнá* (Л. Агаков) ‘Немцы настойчиво сманивали молодежь для «работы» в полиции, напечатали листовки с призывом, пообещав (в них) полицейам предоставить всевозможные блага – землю, скотину, денег’.

Итак, со вспомогательным глаголом *пул* мы обнаружили одну аналитическую форму с временным значением и четыре формы, передающие различные модальные значения: долженствования, притворности, готовности к совершению действия. Отмечены также формы со значением начала действия, что говорит о наличии в чувашском языке особой категории аспектуальности или способов действия (акционсарт).

2. Вспомогательный глагол *кил* – ‘приходить’.

Глагол *кил* также обладает достаточно общим значением, что позволило ему приобрести некоторые грамматические значения. В аналитических формах этот глагол сочетается с причастием будущего времени с показателем *-ac/-ec* и с деепричастием на *-ca/-ce*.

а) форма *-ac/-ec кил*. Значение этой аналитической формы – желание совершения действия. Вспомогательный компонент способен выступать в разных временных формах и принимать аффиксы отрицательного статуса. В связи с этим, на наш взгляд, нет никаких препятствий к тому, чтобы считать эту аналитическую форму составной частью отдельной категории желательного наклонения в чувашском языке. Примеры: *Гришатáкн пачах та сáвáрас килмест* (С. Алексеев) ‘Гришатке совсем не хочется спать’; *Ах, чáнах, малашне мён пулассине сáв тери пёлес килет* (Г. Терентьев) ‘Ах, действительно, так хочется знать, что будет впереди’.

б) форма *-ca/-ce кил*. В этой аналитической форме вспомогательный глагол *кил* передает векторное значение направленности движения в сторону говорящего. Здесь наблюдается минимальная степень десемантизации глагола *кил*, что может вызвать некоторое сомнение в наличии в языке подобной формы. Но, если рассматривать факты языка с точки зрения функционально-семантического анализа, то глагол *кил* в этом сочетании однозначно имеет дополнительную, вспомогательную функцию указания на направление совершения действия, выраженного основным глаголом. На основании этого мы включаем сочетание *-ca/-ce кил* в ряд аналитических форм. Само же значение направленности по своим характеристикам должно признаваться значением способа действия (акционсарт) и относиться к формам, составляющим словоизменительную категорию аспектуальности. Примеры: *Ак мёншён вёсем хёре сáк урама ертсе килчэс иккен* (И. Григорьев) ‘Вот, оказывается, почему они привели девушку на эту улицу’; *Атáл хёрринчен чáваишем кунта ахалтен тарса килмен* (П. Афанасьев) ‘Не зря чувашки бежали сюда с берегов Волги’.

3. Вспомогательный глагол *пáх* – ‘смотреть’.

Данный глагол также может передавать разные дополнительные значения в зависимости от словоизменительного показателя основного глагола сочетания. Рассмотрим здесь две аналитические формы с указанным вспомогательным глаголом, образуемые при помощи деепричастия с показателем *-ca/-ce* и инфинитива на *-ма/-ме*. В обоих случаях мы имеем дело с передачей специфических модальных значений.

а) форма *-ca/-ce пáх*.

Указанная аналитическая форма служит для передачи значения пробы совершения действия, выраженного основным глаголом. Подобное вспомогательное значение, несомненно, достаточно близко номинативному значению глагола *пáх* – ‘смотреть’, именно поэтому оно смогло развиваться в данном сочетании. Примеры: *«Шыраса пáхар-ха варианта», – сётём энё* (А. Емельянов) ‘«Давайте попробуем поискать вариант», – предложил я’; *Мулкач яшкине сисе пáх, Зинаида* (М. Ухсай) ‘Попробуй-ка (поешь) суп из зайчатины, Зинаида’.

б) форма *-ма/-ме пáх*.

Еще одна аналитическая форма, образованная при помощи вспомогательного глагола *пáх*. И в этом случае также номинативное значение глагола способствовало развитию модального значения всей формы – попыт-

ки совершения действия. Примеры: «*Каллех, Ирина, санна юнашар лараймастӑн*», – *шӱтлеме пӑхрӗ Семен* (Г. Ефимов) ‘«Опять, Ирина, не получилось сесть рядом с тобой», – *попытался пошутить Семен*’; *Нимӗссен штионӗ тесе айӑплама пӑхрӗҫ* (Н. Мранькка) ‘*Попытались обвинить* (меня), называя немецким шпионом’.

4. Вспомогательный глагол *пар* ‘давать’.

Аналитические формы с этим вспомогательным глаголом образуются от деепричастий с показателями *-а/-е* и *-са/-се*.

а) форма *-а/-е пар*.

Данная аналитическая форма имеет весьма специфическое значение неожиданности совершения действия, включаемое нами в ряд модальных значений. Связь с номинативным значением «давать» здесь уже не такое явное, но все же в определенной степени еще ощущается. Примеры: *Вӑл куҫне усрӗ те – ун умӗнче амӑшӗ лара парать* (Г. Краснов) ‘Он открыл глаза, а перед ним (нежданно-негаданно) *сидит* его мама’; *Виҫӗм кун почта еҫӗкне пӑхрӑм та – сыру вырта парать* (Ф. Уяр) ‘Третьего дня заглянул в почтовый ящик, а там – письмо (*лежит*)’.

б) форма *-са/-се пар*.

В этом случае передается значение адресива – совершение действия в интересах другого лица. Глагол *пар* в этой аналитической форме имеет минимальную степень десемантизации, но функционально представляет собой вспомогательный элемент сочетания. Именно поэтому мы включаем эту форму в ряд подобных ей аналитических форм со значениями способов действия. Примеры: *Лӑплан-ха. Иёркелӗ каласа пар* (В. Алендей) ‘Успокойся, пожалуйста. *Расскажи* по порядку’; *Форма тумӗ валеҫсе парсан Миххалпа ун юлташӗсен кӑмӑлӗ пӗлӗте ҫитиех ҫӗкленӗчӗ* (Д. Гордеев) ‘*Когда раздали* форменную одежду, настроение Михаила с друзьями поднялось (до неба)’.

## Выводы

Аналитические формы глагола в чувашском языке, образуемые путем сочетания показателей деепричастий, причастий и инфинитива со вспомогательными глаголами, представляют собой один из способов образования словоизменительных форм с различными аспектуальными, модальными и временными значениями.

В качестве вспомогательных могут выступать глаголы, относящиеся к различным семантическим группам, среди которых наибольшую представленность имеют глаголы движения, состояния, приобретения и отчуждения, изменения положения предмета и др. Для того, чтобы глагол получил способность к десемантизации и приобретению дополнительных грамматических значений, в его основном номинативном значении должна присутствовать семантика, близкая к той, что представлена в грамматическом значении аналитической формы. Другим важным условием для превращения полнозначного глагола во вспомогательный, является необходимый уровень абстрактности номинативного значения.

Факты чувашского языка показывают, что образование аналитических форм в языке представляет собой длительный процесс, и многие из них внешне еще не отличаются от свободных синтаксических словосочетаний. Отделить подобную форму от соответствующего синтаксического словосочетания часто бывает возможным только при помощи контекста. Но, несмотря на это, аналитические формы являются в современном чувашском языке достаточно продуктивными образованиями, что позволяет отнести их к одной из важных структурных особенностей грамматики этого языка. Эта область исследования представляет собой перспективное направление, так как до сих пор подробно не изучена функционально-семантическая составляющая всех аналитических форм глагола и не разработана их классификация.

## Список литературы

1. Андреев Н.А. Материалы по грамматике современного чувашского языка. Ч. 1. Морфология / Н.А. Андреев, В.Г. Егоров, И.П. Павлов. – Чебоксары: Чув. гос. изд-во, 1957. – 361 с.
2. Ашмарин Н.И. Опыт исследования чувашского синтаксиса. Ч. 2 / Н.И. Ашмарин. – Симбирск: Изд-во Союза потребительских обществ Чувашской автономной области, 1923. – 276 с.
3. Гузев В.Г. Теоретическая грамматика турецкого языка / В.Г. Гузев. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2015. – 320 с.
4. Иванова А.М. Проблемы морфосинтаксиса в чувашском языкознании. Типолого-контрастивный аспект / А.М. Иванова. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2011. – 308 с.
5. Лебедев Э.Е. Акционсартовские значения сложновербальных аналитических форм в чувашском языке / Э.Е. Лебедев. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. гос. ин-та гуманитар. наук, 2016. – 164 с.
6. Павлов И.П. Современный чувашский язык. Т. 2 / И.П. Павлов. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. гос. ин-та гуманитар. наук, 2017. – 448 с.
7. Юлдашев А.А. Аналитические формы глагола в тюркских языках / А.А. Юлдашев. – М.: Наука, 1965. – 275 с.
8. Bötlingk O. Über die Sprache der Jakuten / O. Bötlingk. – СПб., 1851. – 184 с.

## References

1. Andreev, N.A., Egorov, V.G., & Pavlov, I.P. (1957). Materialy po grammatike sovremennogo chuvashskogo iazyka. Ch. 1. Morfoloģiia., 361. Cheboksary: Chuv. gos. izd-vo.
2. Ashmarin, N.I. Opyt issledovaniia chuvashskogo sintaksisa. Ch. 2., 276.
3. Guzev, V.G. (2015). Teoreticheskaia grammatika turetskogo iazyka., 320. SPb.: Izd-vo SPbGU.
4. Ivanova, A.M. (2011). Problemy morfosintaksisa v chuvashskom iazykoznanii. Tipologo-kontrastivnyi aspekt., 308. Cheboksary: Izd-vo Chuvash. un-ta.
5. Lebedev, E.E. (2016). Aktsionsartovye znachenii slozhnoverbal'nykh analiticheskikh form v chuvashskom iazyke., 164. Cheboksary: Izd-vo Chuvash. gos. in-ta gumanitar. nauk.
6. Pavlov, I.P. (2017). Sovremennyi chuvashskii iazyk. T. 2., 448. Cheboksary: Izd-vo Chuvash. gos. in-ta gumanitar. nauk.
7. Iuldashev, A.A. (1965). Analiticheskie formy glagola v tiurkskikh iazykakh., 275. M.: Nauka.
8. Botlingk, O. (1851). Uber die Sprache der Jakuten., 184. SPb.

**Информация об авторе**

Лебедев Эдуард Евгеньевич – канд. филол. наук, старший научный сотрудник БНУ «Чувашский государственный институт гуманитарных наук» Министерства образования и молодежной политики ЧР, Чебоксары, Российская Федерация.

**Information about the author**

**Eduard E. Lebedev** – candidate of philological sciences, senior research fellow of BSI “Chuvash State Institute of Humanities” of Ministry of Education & Youth of Chuvash Republic, Cheboksary, Russian Federation.

Поступила в редакцию / Received 09.03.2021

Принята к публикации / Accepted 16.03.2021

Опубликована / Published 16.03.2021